

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДАНИИЛА ЧОНКАДЗЕ

Л. К. ГОСТИЕВА

Даниил (Даниэл) Георгиевич Чонкадзе родился в 1830 г. в с. Квавили Душетского уезда Тифлисской губернии (ныне Душетский район Республики Грузия) в семье бедного сельского священника. В восьмилетнем возрасте Даниил вместе с семьей переехал в Осетию, где его отец Георгий Чонкадзе стал священником Осетинской духовной комиссии.

В 1839 г. Даниил поступил во Владикавказское духовное училище, в котором учился весьма успешно. Большой интерес у Д. Чонкадзе вызывали занятия по осетинскому языку. Этот предмет преподавал смотритель училища Г.Д. Мжедлов, автор учебника по осетинской грамматике и переводов на осетинский язык «Краткой священной истории с Кратким катехизисом», «Пространного катехизиса», богослужебных книг. Быстрому усвоению Даниилом осетинского языка способствовало совместное проживание и общение в училище с осетинами. Хорошую практику в осетинском языке он получал и на каникулах, когда приезжал в с. Гизель к отцу, который служил там священником. В училище началась его многолетняя дружба с одноклассником Николаем Берзеновым, будущим публицистом, издавшим многочисленные очерки по этнографии осетин. На последнем году обучения Даниила в училище его семью постигло большое горе – в сел. Гизель противниками православия в Осетии был убит его отец.

Окончив училище, Даниил Чонкадзе в 1845 г. поступил в Тифлисскую духовную семинарию. Здесь он продолжил изучение осетинского языка, который преподавал Г.Д. Мжедлов. На уроках Г.Д. Мжедлов делился с учениками опытом перевода на осе-

тинский язык «Псалтыря», над которым работал в этот период. Д. Чонкадзе общался на осетинском языке с Василием Цоравым, до перевода его в Московскую духовную академию в июле 1846 г. В семинарии продолжилась дружба Даниила с Николаем Берзеновым, который хорошо знал осетинский язык и этнографию осетин. Вероятно, именно В. Цорав и Н. Берзенов привили Даниилу интерес к осетинскому фольклору и этнографии.

В семинарии Д. Чонкадзе обучался за казенный счет, никаких собственных денежных средств у него не было. О тяжелом материальном положении Даниила можно судить по письму к нему сестры: «Но бедственное положение ваше не дает мне покоя и жжет сердце и внутренности, когда представляю крайнюю нужду вашу и горе ваше в чужой стране» [1, 13].

3 июня 1851 г. Д. Чонкадзе успешно окончил семинарию и через три месяца был направлен в г. Ставрополь-Кавказский (ныне г. Ставрополь) в Кавказскую духовную семинарию, где стал учителем осетинского языка. Тогда же он женился на русской девушке. 11 сентября 1853 г. Д. Чонкадзе получил чин коллежского регистратора. Работая в семинарии, Даниил начал заниматься переводами богослужебной литературы на осетинский язык.

В 1855 г. Д. Чонкадзе переселился в Тифлис и начал преподавать осетинский язык в Тифлисской духовной семинарии. 31 января 1856 г. он подал заявление об освобождении его от духовного звания. В 1858 г. Д. Чонкадзе был назначен столоначальником Грузино-Имеретинской Синодальной конторы с оставлением в должности учителя осетинского языка в Тифлисской духовной семинарии.

Последние два-три года жизни Даниил Чонкадзе тяжело болел. В начале 1860 г. он потерял жену, умершую от туберкулеза, и остался с малолетним сыном Георгием на руках. Смерть любимой жены тяжело отразилась на восприимчивой натуре Даниила. 16 июня 1860 г. Даниил Чонкадзе скончался в Тифлисе от туберкулеза и был похоронен на Верийском кладбище. Ему было всего тридцать лет.

Таковы основные вехи жизненного пути Даниила Чонкадзе.

Остановимся более подробно на научном наследии Д. Чонкадзе. Важной сферой его деятельности был перевод богослужебной литературы на осетинский язык. Еще работая в Кавказской духовной семинарии, Д. Чонкадзе начал переводить на осетинский язык Литургию Иоанна Златоуста. Вероятно, при переводе столь сложного и объемного текста Д. Чонкадзе сталкивался с большими трудностями. В 1854 г. готовая рукопись перевода была утеряна при пересылке рецензенту. Переехав в Тифлис, Д. Чонкадзе приступил к работе над вторым вариантом перевода, который был окончен в 1857 г. Эти сведения, как и сама рукопись перевода, были обнаружены В.И. Абаевым в Центральном архиве Грузии [2, 227-228].

Д. Чонкадзе представил рукопись перевода экзарху Грузии архиепископу Евсевию, который в свою очередь направил ее архимандриту Иосифу (Чепиговскому). По предписанию экзарха Грузии от 22 сентября 1858 г. благочинный Колиев, учитель Жускаев и другие хорошо знающие осетинский язык лица должны были под наблюдением архимандрита Иосифа сверить текст перевода с подлинниками и сообщить ему о достоинстве перевода [3, 1].

С сентября 1858 г. по август 1859 г. под руководством архимандрита Иосифа священники А. Колиев и М. Сухиев, диакон А. Аладжиков и учитель С. Жускаев (впоследствии священники) подвергли перевод Д. Чонкадзе тщательному рассмотрению и, сличив его с греческим и славянским подлинниками, выявили многочисленные неточные выражения, описки, пропуски и т.д. Редакторы обратили внимание на значение каждого слова и смысла речи. За неимением в осетинском языке некоторых слов, совпадающих по значению со славянскими, они употребили в переводе славянские или греческие слова, например, «Владыко» вместо «æлдар», «ибо этим словом только магометане называют своих господ». Были оставлены без перевода слова «Апостол», «Евангелие», «наследник», «потир», «воздух», «кадило» и др. С большой осторожностью редакторы подошли к переводу слов, имеющих догматическое значение («Троица», «Единосущный», «благодать», «нераздельную» и др.), заменив их более подходящими по смыслу словами.

В рапорте от 22 августа 1859 г. архимандрит Иосиф сообщал епископу Грузии Евсевию: «О достоинстве перевода Литургии Чонкадзе, в его первоначальном виде, и по предназначению его к печати для употребления при богослужении, могу сказать, что перевод был весьма неисправен, в некоторых местах искажен словам подлинника по незнанию... неисправность увеличивалась поспешностью в переписке, от чего образовались пропуски в тексте и фальшь в начертании букв» [3, 2]. Архимандрит Иосиф отметил в рапорте, что он перевел отсутствовавшие в переводе Чонкадзе молитвы «Царю Небесный», «Пресвятая Троица», «Отче наш», а также «Благодарственные молитвы по Святом Причащении» и после рассмотрения их сотрудниками включил в текст перевода Литургии Иоанна Златоуста. Он также известил епископа Грузии о том, что для полноты Служебника, по его поручению, диакон А. Аладжиков перевел «Последование Вечерни и Утрени», которое отредактировал М. Сухиев.

При исправлении перевода Д. Чонкадзе был использован рукописный перевод Ли-

тургии Иоанна Златоуста, выполненный в 1857-1858 гг. священником А. Колиевым. 24 октября 1858 г. архимандрит Иосиф в письме просил о. А. Колиева выслать ему его перевод «для сличения с переводом Чонкадзе» [3, 3]. 7 июня 1859 г. благочинный священник А. Колиев представил архимандриту Иосифу свой перевод на осетинский язык Литургии Иоанна Златоуста и просил о «тщательном его рассмотрении и исправлении» [3, 4].

В августе 1859 г. архимандрит Иосиф, священник А. Колиев, М. Сухиев, диакон А. Аладжиков и учитель С. Жускаев завершили работу над текстом перевода и сообщили об этом в рапорте экзарху Грузии Евсевию: «По указу Святейшего Синода 28 июля 1858 г. перевод Литургии на осетинский язык с подлинником Славянским и Греческим сверен и, по исправлении, признается с оным совершенно согласным, отпечатании совершенно достойным, в чем подписью удостоверяем» [3, 106].

Уже после смерти Д. Чонкадзе его сыну за 12 листов перевода на осетинский язык Литургии Иоанна Златоуста было выплачено 360 руб., редакторы – священник Сухиев, диакон Аладжиков и учитель Жускаев – получили 130 руб. [3, 32, 32об, 34].

Литургия Иоанна Златоуста была издана в Тифлисе в 1861 г. [4].

Судя по духовному завещанию, Даниил Чонкадзе также перевел на осетинский язык Литургию Василия Великого [1, 5], однако этот перевод не сохранился. По предложению экзарха Грузии Евсевия Д. Чонкадзе поручался перевод послания Павла к римлянам, но был ли выполнен этот перевод – неизвестно [5, 160].

Другой сферой интересов Даниила Чонкадзе был сбор устного народного творчества осетин. По предложению правителя дел Кавказского отдела императорского Русского географического общества А.П. Берже¹ Д. Чонкадзе начал собирать

осетинские пословицы. К этой работе Д. Чонкадзе часто привлекал и своих учеников-осетин из Тифлисской духовной семинарии.

Осетинские пословицы, собранные Д. Чонкадзе, А.П. Берже передал академику А.А. Шифнеру², который опубликовал их в 1868 г. в книге «Осетинские тексты, собранные Дан. Чонкадзе и Вас. Цоравым», изданной в качестве Приложения к XIV тому Записок Императорской Академии наук [6]. К сожалению, Д. Чонкадзе не дождался издания собранных им фольклорных материалов осетин.

А.А. Шифнер издал 123 осетинские пословицы, собранные Д. Чонкадзе. Шифнер писал о Д. Чонкадзе, что «записал он эти пословицы в изобретенной Шегреном для осетин азбуке. Орфография Чонкадзе, относительно гласных, несколько отступает от Шегреновской... Известное число отступлений от обычной орфографии имеет вероятно свою причину в особенностях областного наречия. По мнению одного из

целярии князя М.С. Воронцова помощником чиновника по секретной части (до 1858 г.), чиновником по особым поручениям (до 1864 г.), председателем Кавказской археографической комиссии (до 1886 г.). В 1853-1855 гг. совершил научную экспедицию в Персию, в 1856-1859 гг. был правителем дел Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Под редакцией А.П. Берже были изданы 11 томов «Актов Кавказской археографической комиссии». А.П. Берже был редактором «Кавказского календаря» и других научных изданий, посвященных истории и географии края.

² Антон Антонович Шифнер (нем. Franz Anton Schiefner) (1817-1879) – филолог, востоковед, с 1852 г. экстраординарный академик Императорской Академии Наук и директор II отделения ее библиотеки. Родом из Ревеля, получил образование в Санкт-Петербургском университете (1836-1840), затем 6 лет изучал филологию и восточные языки в Берлине. Шифнеру принадлежит ряд ценных работ по изучению кавказских и финно-угорских языков, а также тибетского языка и литературы. Перевел на немецкий язык финский эпос «Калевала» (1852). В 1868 г. издал книгу «Осетинские тексты, собранные Д. Чонкадзе и В. Цоравым».

¹ Адольф Петрович Берже (1828-1886) – археограф, историк, член многих российских и зарубежных научных обществ. В 1851 г. окончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета. Состоял в кан-

находившегося здесь в конвое Его Величества осетин, юнкера Саурбека Козырева, родом из окрестностей Владикавказа, текст наш записан из уст осетин, живущих в горах, в соседстве грузин» [6, 5].

А. Шифнер снабдил издание осетинских пословиц примечаниями, в которых широко использовал ценные замечания Василия Цораева, которые тот предоставил ему через А. П. Берже [6, 5-6].

Г. Г. Бекоев в статье «Возникновение Осетинской письменности и ее развитие (Краткий очерк)» писал: «Самый беглый обзор данных текстов показывает, что собиратель плохо владел осетинским языком. Некоторые пословицы искажены, другие не могут быть названы таковыми, так как представляют из себя самые обыкновенные суждения – нет в них характерной для пословицы сжатости, меткости и образности. Самый подбор пословиц нельзя никоим образом назвать удачным, язык тяжелый, формулировка многосложна. Встречаются весьма грубые орфографические погрешности, очевидно, вследствие недостаточного знания языка» [7, 18]. Однако нельзя забывать о том, что издание А. Шифнера было первой публикацией образцов осетинского фольклора с переводами и соответствующими комментариями. В. И. Абаев в своей неопубликованной рукописи «Даниил Чонкадзе как деятель осетинской культуры» отмечал: «Это было первое значительное собрание осетинских фольклорных текстов, пословиц, песен, сказок, нартовских сказаний. Участие Чонкадзе в этом в полном смысле пионерском начинании уже обеспечивает ему почетное место среди деятелей осетинской культуры XIX века» [2, 224].

Д. Чонкадзе собирал не только пословицы, но и осетинские поговорки и сказки, о которых упоминал в своем духовном завещании [1, 5].

Даниил Чонкадзе записывал также и нартовские сказания. Об этом можно судить по примечаниям А. А. Шифнера к изданным им осетинским пословицам, собранным Д. Чонкадзе. В примечании к пословице «Нартских людей все любят»

А. А. Шифнер писал: «По замечаниям Чонкадзе Нарты что-то среднее между людьми и ангелами, вероятно, нечто вроде героев, о подвигах которых есть у осетин песни, аккомпанируемые звуками инструмента, подобного скрипке. У Чонкадзе было несколько таких песен, в которых прославлялись подвиги героев Батырад (Батрадз. – Л. Г.), Урысманак (Урызмаг. – Л. Г.), Цопан и Савлох» [6, 20]. К сожалению, собранные Д. Чонкадзе нартовские сказания не были опубликованы.

Кроме фольклорного Д. Чонкадзе собирал также этнографический материал об осетинах. В духовном завещании, написанном 6 апреля 1859 г., среди своих трудов он упомянул о «заметках о куртатинских осетинах». В 8 пункте духовного завещания Д. Чонкадзе просил Иосифа Ивановича Индуева связаться с Тюриным и отослать ему его труды, в том числе и «заметки относительно куртатинских осетин. Последнее прошу собрать, переписать и так послать. Бумаг этих можно найти или в моем письменном столе, или в моем комод» [1, 5].

5 марта 1860 г. Д. Чонкадзе изменил первоначальное решение относительно своих трудов, сделав важную приписку в конце завещания: «Восьмой пункт этого завещания я отменяю по некоторым обстоятельствам. Вместо этого, заметки о куртатинских осетинах передать Берзенову, который, если найдет необходимым, пусть напечатает в каком-нибудь журнале, пусть изложит, как нужно, там недостает изложения, а то фактов много. Остальное пусть пропадает. На разбор их никому не хватит терпения» [1, 6]. Этнографические материалы о куртатинских осетинах, собранные Д. Чонкадзе, так и не были опубликованы.

Даниил Чонкадзе занимался также очень сложной и ответственной работой по составлению русско-осетинского словаря, которую ему доверила Императорская Академия наук. В духовном завещании, при перечислении своих научных материалов, Чонкадзе упомянул «труды для лексикона – как тетради, так и записки» [1, 5]. В своем письме к шуруину Ваню, которое не

успел окончить и отослать, Д. Чонкадзе писал: «Императорская Академия наук поручила мне Осетинский словарь и я принялся за этот труд со всею энергией, свойственною молодому человеку, желающему составить себе карьеру, но не успел составить на три буквы словарь, как со мною случилось кровохарканье» [1, 8]. Из-за болезни Даниил Чонкадзе вынужден был отказаться от почетного предложения Академии наук по составлению русско-осетинского словаря. Г.С. Ахвледиани, изучавший в 40-х гг. XX в. неоконченную рукопись Д. Чонкадзе в рукописном отделе Музея Грузии, писал: «Материал представляет интерес, и исследователь осетинского языка не должен пройти мимо него, так как там имеется ряд слов, отсутствующих в других словарях...» [8, 212].

З.М. Салагаева в своей книге «От Нузальской надписи к роману» отмечала, что «Д. Чонкадзе был талантливым писателем и прекрасным знатоком осетинского языка, что не могло не сказаться на его переводах церковных книг, а это способствовало развитию осетинской прозы. Переводы Даниила Чонкадзе, его труды по осетинскому фольклору и языку свидетельствуют о том, что он является выдающимся деятелем двух литератур – грузинской и осетинской... Иван Ялгузидзе, Даниил Чонкадзе, Василий Цораев являются прямыми предшественниками основоположника осетинской прозы Сека Гадиева» [9, 179-180].

Не имея возможности из-за болезни продолжать свою научную работу, Даниил Чонкадзе занялся художественной литературой. В письме к шурина он писал: «Но так как у меня какой-то проклятый характер, и мне кроме служебных дел, непременно хочется что-нибудь делать, то я взялся за грузинскую литературу (у нас здесь издается на грузинском языке журнал и молодежь всеми силами поддерживает его. Национальное чувство пробуждается). Я написал одну повесть под заглавием “Сурамский замок”. Повесть была очень благосклонно принята публикой, кроме некоторых невежд помещиков, которых я задел крестьянским вопросом» [1, 9].

Повесть Д. Чонкадзе «Сурамская крепость» была впервые опубликована на грузинском языке в тифлисском журнале «Цискари» («Заря») за 1859-1860 гг. Созданию повести во многом способствовало активное участие Чонкадзе в литературном кружке, организованном им в 1857 г. при журнале «Цискари» [10, 177]. Участники кружка Д. Чонкадзе, Л. Ардадиани, Н. Берзенов и др. интересовались социально-политическими вопросами, в том числе вопросом освобождения крестьян, изучали русский журнал «Современник» и произведения передовых представителей русской общественной мысли Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова.

«Сурамская крепость» была первой грузинской реалистической повестью, направленной против крепостного права. Чонкадзе в живых красках изобразил страдания крестьян, вызванные безграничным произволом помещиков. Однако главной задачей в канун крестьянской реформы 1861 г. писатель считал острую и непримиримую критику уродливых сторон крепостничества со стороны интеллигентских сил грузинского общества, а также борьбу самих крестьян за свои насущные интересы, т.е. предоставление им личной свободы, «воли» и земли. Провозглашенный Д. Чонкадзе лозунг: «Пока мы принадлежим нашим господам, мы не можем быть счастливыми», – стал крылатым в Грузии.

Мировоззрение писателя было направлено против сторонников романтизма и консервативного либерализма, которые считали незыблемыми социальные и идейные устои крепостничества. Не прошло и года после смерти автора «Сурамской крепости», как разгорелась ожесточенная борьба между защитниками старых, отживших, и новых, нарождавшихся, общественно-литературных идей. Только что вернувшийся из Петербурга в Тифлис Илья Чавчавадзе на страницах журнала «Цискари» дал бой защитникам старых порядков и писателям романтического литературного течения.

В 1863 г. в журнале «Цискари» с критическим разбором повести Д. Чонкадзе

«Сурамская крепость» выступили как консерваторы (А. Орбелиани), так и демократы (А. Пурцеладзе). В том же году Акакий Церетели, тогда еще молодой поэт, опубликовал в журнале восторженное стихотворение, посвященное Даниилу Чонкадзе, в котором воспел его как смелого борца против социальной несправедливости.

Повесть оказала влияние на общественное самосознание Грузии накануне отмены крепостного права и сыграла большую роль в демократизации грузинского литературного языка. Исследователь творчества Д. Чонкадзе С. Г. Хуцишвили писал, что повесть «была расценена передовой частью грузинского общества как революционное выступление, как новое слово в грузинской литературе» [11, 83]. Тот же автор отмечал: «Сочетание мифологически-сказочного (легенда о строительстве Сурамской крепости) и реально-бытового материала, оригинальное сюжетно-композиционное решение, острота и актуальность тематики, трагическая напряженность конфликта принесли повести широкую известность, автор ее по праву считается одним из зачинателей грузинской прозы критического реализма» [12, 202].

В основу повести «Сурамская крепость» легло предание о замурованном в стену крепости юноше в местечке Сурами, известное по широко распространенной в Грузии народной песне «Сын мой, Зураб, куда» [13, 251]. По мнению З. М. Салагаевой, «мотив приношения в жертву человека встречается в устном народном творчестве многих народов... Возможно, Д. Чонкадзе были известны осетинские легенды на эту тему, тем более что он собирал осетинский фольклор» [14, 75]. Как известно, в основе неоконченной поэмы Коста Хетагурова «Плачущая скала», названной поэтом «осетинской легендой», также лежит предание о «строительной жертве» [15, 194-200, 129-136].

Повесть «Сурамская крепость», сделавшая Д. Чонкадзе известным грузинским писателем, была переведена на многие языки. В 1986 г. на экраны страны вышел художественный фильм «Легенда о Сурамской крепости», снятый киностудией «Грузия-

фильм» по повести Д. Чонкадзе (режиссеры-постановщики Додо Абашидзе и Сергей Параджанов). Фильм имел большой успех у зрителей, получил призы и награды на нескольких международных фестивалях.

В отличие от существующей обширной литературы о художественном творчестве Даниила Чонкадзе [16], материалы о нем как деятеле осетинского языкознания и культуры немногочисленны и, в основном, не опубликованы. Исключением является статья академика Г. С. Ахвледиани «Место Даниэла Чонкадзе в истории изучения осетинского языка», вышедшая на грузинском языке в 1943 г. С. Ахвледиани писал об осетиноведческой деятельности Д. Чонкадзе: «Всю свою, к сожалению, короткую, сознательную жизнь, до 1859 года, он посвятил работе над осетинским языком – по собиранию осетинских пословиц и поговорок, сказок, по изучению быта осетин, переводам на осетинский литературный язык и, наконец, по составлению осетинского словаря» [17, 153].

Б. А. Алборов посвятил Д. Чонкадзе небольшой раздел в своей неопубликованной рукописи «История осетинской литературы (докостаевский период)» [5, 160-164]. Б. А. Алборов начал собирать материал о Чонкадзе в 1935 г. С этой целью он обратился к грузинскому ученому Г. Натадзе, и тот охотно откликнулся. Через некоторое время Г. Натадзе прислал ему переводы на русский язык духовного завещания и предсмертного письма Д. Чонкадзе к шуринам Вану, которые были опубликованы в 1933 г. в Тифлисе на грузинском языке [18]. Оригиналы этих важных документов о жизни и творческом наследии Д. Чонкадзе хранились тогда в музее Союза писателей Грузии.

Г. Натадзе прислал Б. А. Алборову и перевод на русский язык письма сестры Мелании к Д. Чонкадзе, которое было написано ею в период его учебы в Тифлисской духовной семинарии, и некоторые биографические сведения о нем. Все эти материалы о Д. Чонкадзе были переданы Б. А. Алборовым в архив и в настоящее время хранятся в Научном архиве СОИГСИ [1, 1-18].

Ценной работой о Д. Чонкадзе является рукопись статьи В.И. Абаева «Даниил Чонкадзе как деятель осетинской культуры» [2, 224-229]. Дата написания статьи неизвестна, вероятно, это середина 1940-х гг. XX в. В короткой, но очень емкой статье В.А. Абаев выделил несколько направлений деятельности Д. Чонкадзе в области осетинского языка и культуры: преподавание осетинского языка в Ставропольской и Тифлисской духовных семинариях; перевод на осетинский язык церковных книг; собирание фольклора; составление осетин-

ского словаря; этнографические разыскания. Считая Даниила Чонкадзе «крупным осетинским деятелем эпохи «просветительства»», В.И. Абаев писал: «Если бы его жизнь, полная труда и горения, не прервалась так рано, он мог бы много еще сделать и занял бы виднейшее место в истории осетинской культуры. Но и то, что он успел выполнить, обеспечивает ему благодарную память осетинского народа» [2, 224, 229].

Вклад просветителя Даниила Чонкадзе в осетинскую культуру заслуживает того, чтобы его имя заняло в ней достойное место.

1. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (далее НА СОИГСИ). Ф. Литература. Оп. 1. Д. 145.
2. НА СОИГСИ. Фонд Абаева В.И. Оп. 1. Д. 32.
3. НА СОИГСИ. Ф. Лингвистика. Оп. 1. Д. 77. П. 33.
4. Литургия святого Иоанна Златоустого на осетинском языке (Без благодарственных молитв по Святом причащении). Типография Главного Управления Наместника Кавказа. Тифлис, 1861 г. 143 с.
5. Алборов Б.А. История осетинской литературы (докостаевский период) // НА СОИГСИ. Ф. 19 (Лит.). Оп. 1. Д. 219.
6. Осетинские тексты, собранные Дан. Чонкадзе и Вас. Цораевым. Издал А. Шифнер. СПб., 1868. Приложение к XIV-му тому Записок Императорской Академии наук. Вып. 4. 104 с.
7. Бекоев Г.Г. Возникновение Осетинской письменности и ее развитие (краткий очерк) // Известия СОНИИ. Т. I. Владикавказ, 1925. С. 13-27.
8. Ахведиани Г.С. Место Даниэла Чонкадзе в истории изучения осетинского языка (на груз. яз.) // Труды Тбилисского государственного Учительского Института им. А.С. Пушкина. Тбилиси, 1943. Вып. III. Цит. по: Абаев В.И. Даниил Чонкадзе как деятель осетинской культуры // НА СОИГСИ. Фонд Абаева В.И. Оп. 1. Д. 32. Л. 229.
9. Салагаева З.М. От Нузальской надписи к роману. Проблемы генезиса и становления осетинской прозы. Орджоникидзе: Ир, 1984.
10. Барамидзе А., Радиани Ш., Жгенти Б. История грузинской литературы. Тбилиси, 1958.
11. Хуцишвили С. Даниэл Чонкадзе и его повесть «Сурамская крепость» // Послесловие к повести «Сурамская крепость». Тбилиси, 1952.
12. История всемирной литературы. М.: Наука, 1991. Т. 7.
13. Грузинские народные предания и легенды/Сост. Е. Б. Вирсаладзе. М.: Наука, 1973.
14. Салагаева З.М. Коста Хетагуров и осетинское народное творчество. Орджоникидзе: Сев.-Ос. кн. изд., 1959.
15. Бесолова Е.Б., Дарчиева М.В. Об обряде «строительная жертва» в традиционной культуре горцев (на материале поэмы К.Л. Хетагурова «Плачущая скала» // Материалы Международной юбилейной научной конференции «Россия и Кавказ». 6-7 октября 2009 г., Владикавказ, 2010; Сокаева Д.В. Фольклорная основа поэмы К.Л. Хетагурова

«Плачущая скала» // Венок бессмертия. Материалы Международной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Коста Хетагурова. Владикавказ, 2000.

16. Хаханов А. С. Темное старое время Грузии. Первый реалистический роман Чонкадзе «Сурамская крепость». Русская мысль, 1902. № 8; Хаханов А. С. Очерки по истории грузинской словесности. М., 1906. Т. IV; Тавзарашвили Г. Жизнь и творчество Даниила Чонкадзе // Чонкадзе Д. Сурамская крепость/Перевод с груз., под ред. и с предисловием Г. Я. Тавзарашвили. 1930; Чонкадзе Д. Сурамская крепость/Под ред. М. Зандукели. Тифлис, 1933 (на груз. яз.); Хуцишвили С. Даниэл Чонкадзе и его повесть «Сурамская крепость» // Послесловие к повести «Сурамская крепость». Тбилиси, 1952; Котетишвили В. Происхождение легенды о Сурамской крепости и ее параллели в мировом фольклоре // Избранные труды. Тбилиси, 1968.

17. Ахвледиани Г. С. Место Даниэла Чонкадзе в истории изучения осетинского языка (на груз. яз.) // Труды Тбилисского государственного Учительского Института им. А. С. Пушкина. Тбилиси, 1943. Вып. III. Цит. по: Салагаева З. М. От Нузальской надписи к роману. Проблемы генезиса и становления осетинской прозы. Орджоникидзе: Ир, 1984.

18. Чонкадзе Д. Сурамская крепость/Под редакцией профессора М. З. Зандукели. Тифлис, 1933.